

сносились с агентом принцев Эмберт-Коломесом, чтобы согласовать действия лионского восстания с движениями Пьемонтской армии. Наконец, Лионский комитет общественного спасения имел секретарем генерала Рубьеса, иезуита, тогда как комендант Пресси был в сношениях с агентом принцев и просил у них подкреплений из пьемонтских и австрийских войск.

В таких условиях осталось только начать правильную осаду Лиона, и республиканцы-монтаньяры действительно ее начали 8 августа, обложив город войсками из старых солдат, отделенными от Альпийской армии, причем пушки были привезены из Безансона и Гренобля.

Лионские рабочие вовсе не хотели этой контрреволюционной войны, но они не были достаточно сильны, чтобы воспротивиться ей. Они массами убегали из осажденного города и присоединялись к армии санкюлотов, которые, сами страдая от недостатка хлеба, все-таки кормили 20 тыс. беглецов из осажденного Лиона.

Республиканской армии под начальством Келлермана удалось-таки в сентябре принудить пьемонтцев к отступлению, а Кутону с Менье - двум комиссарам Конвента - удалось собрать в Оверни армию из крестьян, вооруженных косами, пиками и вилами. С этой армией они подошли к Лиону 2 октября на помощь Келлерману. Семь дней спустя, 9-го, армии Конвента наконец овладели Лионом.

С грустью приходится сказать, что месть республиканцев была ужасна. Кутон, по-видимому, был склонен к политике примирения, но террористы одержали верх в Конвенте. Они говорили, что к Лиону надо приложить то, чем жирондист Инар угрожал Парижу; т. е. разрушить город так, чтобы от него остались одни развалины, на которых воздвигли бы надпись: «Лион вел войну против свободы - Лион более не существует». В конце концов этот нелепый план не был принят; но все-таки Конвент решил разрушать дома богатых, щадя дома бедных. Исполнение этого было поручено Колло д'Эрбуа, и если он этого не выполнил, то только потому, что исполнение было материально невозможно: город нелегко разрушить. Зато своими казнями и расстрелами «в кучу» Колло нанес страшный вред революции.

Такая же война началась в Бордо и Тулоне.

Жирондисты сильно рассчитывали на восстание в Бордо, и этот «негоциантский» город, столица Жиронды, действительно восстал; но восстание не продержалось. Народ не дал себя обмануть и не поверил обвинениям в «роялизме и орлеанизме», распространявшимся жирондистами против монтаньяров. В результате оказалось, что когда арестованные жирондистские депутаты, убежавшие из Парижа, приехали в Бордо, они должны были скрываться в этом городе, из которого они мечтали сделать центр своего восстания. Вскоре Бордо подчинился комиссарам Конвента.

Что касается до Тулона, где давно уже работали английские агенты и где офицеры-моряки все были роялисты, он сдался, как мы говорили, английскому флоту. Патриоты, вообще малочисленные в этом порту, были посажены в тюрьму; а так как англичане, не теряя времени, вооружили форты и выстроили новые, то понадобилась потом правильная осада, чтобы овладеть ими. Это удалось сделать только позже, в декабре 1793 г.

LV ВОЙНА. ИНОСТРАННОЕ НАШЕСТВИЕ ОТРАЖЕНО

После измены Дюмуре и изгнания жирондистских вождей из Конвента республике пришлось снова произвести полную реорганизацию своих армий, в этот раз на демократических началах. Ей предстояло переменить весь состав высшего военного начальства, чтобы заменить жирондистов и роялистов республиканцами-монтаньярами.

Условия, в которых совершались эти замещения, были так ужасны, что только революционная энергия народа могла выполнить их. Приходилось действовать в виду неприятеля, посреди внутренних восстаний и подпольной работы заговорщиков, которая велась во всей Франции имущими классами, чтобы голодом довести республиканские армии до отчаяния и предать их неприятелю. Действительно, почти везде директории департаментов и округов, остававшиеся в руках фейянов и жирондистов, делали все, чтобы помешать снабжению армий припасами, снарядами и т. п.

Потребовался весь гений революции, вся юношеская смелость народа, пробудившегося от долгого сна, вся вера революционеров в воплощение их идеалов равенства, чтобы с успехом вести ту сказочную борьбу, которую пришлось выдержать санкюлотам против иностранного вторжения и внутренней измены. Но сколько раз народ, истекая кровью, был близок к отчаянию!